

УДК-325:327

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-45-60

ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРИЗНАНИЕ: ПОЛИТИЗАЦИЯ СУБЭТНОСОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

О. Д. Васюков¹

Представлен анализ современных субэтнических движений в государствах Центрально-Восточной Европы. На примере трех наиболее крупных сообществ региона, продолжительное время описываемых как субэтническая группа (кашубы, силезцы, русины), автор показывает основные черты и достижения подобного активизма. В статье рассматриваются основные организации, представляющие субэтнические движения, программы их лидеров и стратегии, направленные на достижение статуса этнического меньшинства. Отдельное внимание уделено реакции государств региона на активизацию субэтнических сообществ и политические притязания их активистов.

Ключевые слова: субэтнос; идентичность; этнический активизм; этническое меньшинство; Центрально-Восточная Европа.

Введение

Последние десятилетия в Центрально-Восточной Европе сопровождались сложным процессом переоценки этнической и национальной идентичности в ряде региональных сообществ, традиционно воспринимаемых как субэтнические группы других крупных этносов, на периферии которых они проживают. Сегодня о себе все громче заявляют активисты, которые претендуют на признание своих сообществ в качестве самостоятельной этнической или даже национальной группы, бросая вызов устоявшемуся взгляду на этнонациональную картину региона.

Все государства ЦВЕ воспринимают себя как национальные и одинаково остро реагируют на мобилизацию среди этнокультурных меньшинств. В регионе, где долгое время существовали полиэтнические империи и насчитывались десятки малых наций, лишенных собственного государства, стабильность национального государства в его современных границах рассматривается как одна из высших ценностей. В данном регионе, несмотря на его гетерогенность,

¹ Васюков Олег Дмитриевич – аспирант Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ–Санкт-Петербург. E-mail: avasyukov@hse.ru.

© Васюков О.Д., 2018

нет ни одной федерации, построенной по этническому или языковому принципу. Проекты создания территориальных автономий со стороны крупных этнических групп (венгров в Румынии и Словакии, моравов в Чехии, поляков в Литве) наталкиваются на мощное противодействие со стороны центральных властей. На этом фоне резкий рост активизма в среде субэтнических сообществ, борьба за повышение их юридического статуса выглядят неожиданно и требуют всестороннего изучения.

Термин «субэтнос» в современном научном знании является слабоописанным. Этнолог Валерий Тишков указывает, что субэтноты – это культурно своеобразные группы в рамках одной этнической группы. Критерии выделения субэтнической группы могут быть разнообразными и зависят от исторических и политических условий, а также научных подходов [7, 899]. Центрально-Восточная Европа традиционно отличается пестротой этнического состава. Практически каждый крупный этнос региона характеризуется наличием десятка, а зачастую и больше, субэтнических групп, обладающих специфическими культурными или языковыми особенностями. Однако субэтноты, политическая история которых демонстрирует устойчивую дискурсивную традицию, связанную с проблемой обособления и признания в качестве самостоятельных этнических или национальных групп, немногим более дюжины. Среди наиболее активных субэтнических движений Центрально-Восточной Европы следует выделить: кашубское и силезское (Польша), русинское (Словакия, Украина, Польша), моравское (Чехия). В последние годы можно наблюдать активизацию среди некоторых субэтнических групп Балтии (латгалы, выру, жемайты), а также малых реликтовых славянских групп (мазуры, вармяки, словинцы). В XX в. разнообразные проекты национального строительства также предлагались для сообщества белорусских полешуков, польских гуралей, восточных словаков и некоторых других групп. Данная статья представит сравнительный обзор наиболее крупных субэтнических движений региона и характеристику основных аспектов их деятельности.

Политическая и культуртрегерская деятельность в среде субэтнических сообществ Центрально-Восточной Европы редко находится в центре внимания политологов. Большинство исследований национального строительства в регионе ЦВЕ не затрагивают проблему субэтнического активизма¹. Малочисленные работы, посвященные исследованию этнической и национальной идентичности таких сообществ, в основном концентрируются на отдельном примере

¹ Подобное можно сказать о таких известных исследованиях, как Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь 1596-1999 Т. Снайдера, Империя и нации. Из исторического опыта Украины, России, Польши и Беларуси Р. Шпорлюка, Романтический национализм в Восточной Европе: Россия, Польша, Украина и политическое воображение С. Биленки и многих других. Лишь изданная в 2009 г. работа Т. Камузеллы и П. Берка Языковая политика и национализм в современной Центральной Европе вскользь касается вопросов интеграции субэтнических групп в основные национальные проекты региона.

субэтнического движения, чаще всего в странах проживания авторов, что негативно сказывается на потенциальной возможности взглянуть на такой активизм как на особый тип социального движения. Тем не менее, можно выделить ряд авторов, исследующих историю и идентичность субэтнических групп ЦВЕ¹. Однако часто их работы отличаются этнографическим уклоном и слабым анализом политических стратегий, применяемых активистами для повышения статуса своих групп.

При описании феномена субэтнических движений автор опирается на конструктивистскую теорию этноса, в версии Фредерика Барта, согласно которой этнос – это не заданная испокон веков данность, а форма социальной организации, основанная на процессе постоянной самоидентификации и категоризации другими. Культурная отличительность группы является результатом, но не первичной характеристикой этнической групповой организации, а границы между этносами поддерживаются специфическим механизмом включения и исключения, посредством которых сохраняются дифференцирующие признаки [1, 18–20].

Об особенно тесном сплетении феномена этничности и национализма в центрально-восточноевропейском контексте написано много. Как отмечает Р. Брубейкер, в этом регионе государства, основанные на этничности, воспринимаются как государства конкретных этнокультурных наций, как существующие ради них и для их защиты [3, 266]. С одной стороны, это приводит к широкому заимствованию националистической риторики этническими движениями региона. С другой – такое тесное переплетение этничности и национализма ведет к тому, что сама демонстрация альтернативных общепринятым этническим идентичностей, а также критика унитарной, централизаторской модели интеграции значительной частью общества воспринимается как проявление сепаратизма и прямая угроза национальному единству. Претензии субэтносов на самость, желание их активистов вписаться в ряд уже признанных (как государством, так и общественностью) меньшинств описывается как угроза стабильности государства, что, несомненно, усложняет развитие этнического активизма среди этих сообществ. Тем не менее, начало демократических перемен в странах ЦВЕ послужило мощным импульсом для демонтажа унитарного канона этнонациональной идентичности и развития активизма в субэтнических сообществах, направленного на признание. Как показывает данное исследование, многим таким движениям, несмотря на многочисленные трудности, удалось добиться значительных успехов в реализации своих целей и вывести на новый уровень

¹ Ключевыми работами в этом направлении можно считать Русины и межвоенная Чехословакия: опыт этнокультурной инженерии К. Шевченко; Силезия и центрально-европейский национализм: возникновение национальных и этнических групп в Прусской и Австрийской Силезии, 1848–1918 Т. Камузеллы; Лемки: этническая группа или народ Э. Михны; Под моравской орлицей или история мораванства Й. Пернеса; Кашубы сегодня: культура-язык-идентичность Ц. Ольбрахт-Прондзинского.

дискуссии, связанные с признанием и защитой этнокультурных меньшинств региона.

Структурно статья состоит из двух частей. Первая часть показывает уровень институционального развития субэтнических движений, а также стратегии, применяемые их активистами. Вторая часть посвящена рецепции субэтнического активизма со стороны государств региона.

Организации, представляющие современные субэтнические движения

За неполных три десятилетия после начала демократических перемен, открывших старт активизму субэтнических сообществ, лидерам этих движений удалось создать развитую институциональную структуру, а некоторые субэтнические организации смогли стать влиятельной политической силой в своих регионах, активно продуцирующей дискуссию о социальном статусе своих групп.

Например, до второй половины XX в. в польском научном и публичном дискурсе описывать кашубов можно было исключительно как этнографическую группу поляков, а многие кашубские активисты и писатели подвергались репрессивным практикам. После начала демократических перемен в стране наблюдается стремительный рост кашубского активизма и усиление кашубской идентичности среди населения Поморья. Сегодня кашубское движение представлено главным образом Кашубско-Поморским объединением, крупной региональной организацией (5 тыс. членов), располагающей 88 отделениями, имеющей свои печатные органы, и в своем стремлении влиять на региональную политику проявляющей некоторые черты протопартии [15, 84]. Программа организации носит консервативный характер и воспринимает кашубскую идентичность как часть общепольской. Главное направление работы организации заключается в максимально широкой экспансии кашубского языка в публичной сфере. Существует также оппозиционное ей, менее крупное, но располагающее необычайно энергичной молодой элитой «Кашубское Единство». Лидеры этой организации, многие из которых представляют отколовшееся радикальное крыло Кашубско-Поморского Объединения, призывают к признанию кашубов в качестве этнического меньшинства в Польше на законодательном уровне и предоставлению широких гарантий защиты их культурных прав [8, 116].

Разница в стратегиях, реализуемых ведущими кашубскими организациями, во многом объясняется их идеологической позицией. Так, члены КПО стоят на позиции гармонического сочетания двух идентичностей: общепольской и кашубской, которые, по словам Брунона Сынака [17, 12], располагаются на разных уровнях: общенациональном и региональном, поэтому вся деятельность организации направлена на максимально глубокое сотрудничество с региональной и центральной властью. Лидеры КПО были приглашены в качестве экспертов при разработке закона об этнических и национальных меньшинствах в

Польше, лоббируют через министерство образования программы по внедрению школьного образования на кашубском. Большинство форм проявления активности организации, от ежегодных с 1999 г. кашубских съездов, собирающих до 15 тыс. участников, до многочисленных фестивалей и конкурсов этнической культуры, призваны подчеркнуть исторические связи и интегрированность кашубов в польское общество. При анализе выступлений и публикаций лидеров организации создается впечатление, что они сознательно уходят от обсуждения острых идеологических вопросов и четкого определения кашубов как этнической или этнографической группы, стремясь избежать подозрений в сепаратизме и национализме. На этом фоне ярко выделяются перфомансы и заявления лидеров "Кашубского Единства", большинство акций которого вызывают острый резонанс в польских СМИ. Эта организация стремится потеснить монопольную позицию КПО в определении и пропаганде стандартов кашубской идентичности.

Тем не менее, благодаря своей оппозиционной риторике и острой постколониальной критике этнополитических практик Польши в Поморье, "КЕ" остается маргинальной политической силой как на общегосударственной, так и региональной арене, в то время как КПО, формально декларирующее свою политическую нейтральность, с каждым годом все сильнее внедряется в политическую сферу. Именно благодаря этой организации в 2006 г. была создана кашубская коалиция в парламенте, объединяющая около трех десятков депутатов кашубского происхождения и симпатиков кашубского движения в разных каденциях. Коалиция призвана следить за соблюдением интересов кашубов при принятии новых законов, а также добиваться увеличения финансирования культурных программ сообщества. Уже около 10 лет в кашубской среде идет дискуссия о необходимости трансформации КПО в политическую партию. Несмотря на то, что лидеры организации пока отвергают такую возможность, КПО стремится быть представленной во всех публичных дискуссиях по кашубскому вопросу. Также КПО уже сегодня реализует стратегию выдвижения своих членов в органы местного совета в разных повятах Поморского воеводства.

Не менее энергично в политический процесс включились и силезские активисты, призывая к законодательному признанию отдельного силезского народа. В 2001 г. была создана политическая партия "Движение за Автономию Силезии" (ДАС), которая характеризует политику властей в отношении населения края как дискриминационную и призывает к предоставлению политической автономии Силезии. В 2011 г. был также создан Союз Населения Силезской Национальности, которому предшествовал долгий период конфликта с центральной властью. Так, Конституционный суд Польши несколько раз отказывался регистрировать организацию, что стало предметом разбирательства Европейского Суда по правам человека [10, 160].

Идея силезского автономизма, представленного ДАС, заключается в требованиях учреждения института силезского парламентаризма и президентства, в принятии силезской конституции, самостоятельного бюджета и стимулирова-

нии развития силезской национальной идентичности и культуры. В 2011 г. партия ДАС провела пробный референдум по поводу автономии Силезии в Беруньско-Лендзиньском повяте воеводства. Участие в опросе приняли более 1,7 тыс. граждан, большинство из которых (96.4%) поддержало идею восстановления автономии [12, 421]. Силезскими автономистами ведется активная работа и по развитию силезской национальной культуры, кодификации отдельного силезского национального языка. В 2009 г. были утверждены основы единого письменного стандарта силезского языка [11, 98].

В последние годы наблюдается консолидация субэтнических движений в Польше. Так, члены "Кашубского Единства" регулярно призывают к созданию единой платформы действий с силезскими активистами, направленной на внесение изменений в законодательство, которое признало бы обе группы этническим меньшинством. Активное сотрудничество осуществляется и с организациями других этнических меньшинств Европы. Регулярно проходят летние лагеря, куда приглашаются представители серболужицкого, фризского, бретонского и других движений с целью заимствования опыта этнического и языкового активизма.

В новейшей истории идеи автономии были также взяты на вооружение русинскими активистами в середине 1990-х гг. Сегодня на территории Закарпатской области Украины действует ряд русинских организаций, призывающих к воссозданию автономии региона, а в 2007 г. Закарпатский областной совет признал русинов отдельной национальностью. Данное решение не признается Киевом [4, 298]. Наиболее оживленной сегодня является активность русинских организаций в Восточной Словакии. Местным лидерам удалось создать научный центр – Институт русинистики при Прешовском университете, действует профессиональный русинский театр, издаются многочисленные книги на русинском языке и по истории русинского народа. В Словакии русинские представители входят в состав Комитета по правам национальных меньшинств, русинский язык признан региональным в 68 территориальных общинах Прешовского края, действует представительская организация "Русинська оброда". Главной политической тактикой русинских активистов Словакии является достижение коалиции с представителями других этнических сообществ Словакии, прежде всего, наиболее активным венгерским, с целью лоббирования нового законодательства в сфере этнополитики, которое предусматривало бы элементы самоуправления меньшинств и увеличение финансирования на их нужды [13, 16]. Определенный опыт административного самоуправления накоплен и в соседней Венгрии, где русинским организациям предоставлен ряд квотных мест в локальных советах. В Сербии русинской общине удалось создать две политические партии регионального значения: "Русинская Демократическая Партия" и "Вместе за Воеводину". Русинские активисты регулярно представлены в органах самоуправления местных общин в Автономном крае Воеводина, периоди-

чески в скупштинах (парламентах) Воеводины и Сербии от нескольких общесербских партий. Часть русинской интеллигенции призывает к планомерному сближению основных литературных русинских языков в единый стандарт, ссылаясь при этом на опыт по кодификации разрозненного ретороманского языка в Швейцарии [14, 115].

Несмотря на то, что русинское движение осуществляется в нескольких странах одновременно и вынуждено приспосабливаться к особенностям правового поля каждой страны, в последнее время наблюдается стремление к международной консолидации русин из разных стран. Ключевое значение на этом фоне приобретает деятельность Всемирного Русинского Совета, который проводит регулярные русинские конгрессы в странах проживания данного сообщества. Целью конгрессов является координация русинских организаций, выработка общей стратегии по достижению статуса этнического меньшинства во всех странах проживания и на международном уровне, обмен опытом этнического активизма.

Субэтнические движения типологически близки в стратегиях культурной политики. Одним из главных инструментов реализации своей цели активисты сознательно выбирают языковую политику. Именно языковые особенности региона и лингвистическая идентичность избираются в качестве цементирующих для сообщества, поэтому ключевым направлением в деятельности субэтнических активистов становится выработка литературного стандарта для своего языка, с присущей ему единой письменностью и грамматикой, повышение его социального престижа, внедрение в образовательную сферу и достижение определенного юридического статуса, который гарантировал бы его сохранность. Школа становится одной из основных сфер активизма, поскольку понимается как единственный эффективный инструмент межпоколенческой культурной трансляции в сообществах, продолжительное время подвергавшихся практикам ассимиляции.

Начало процессов демократизации в ЦВЕ, было связано с ожиданием положительных перемен в отношении этих сообществ. Многие активисты предложили своим группам альтернативные модели этнической идентичности, подкрепленные попытками конструирования собственного канона этноистории, важное место в котором занимает негативная оценка коммунистического периода. Многие активисты убеждены, что этнополитические практики коммунистов выливались в усиление ассимиляции в культурной и образовательной сфере. Новые исторические концепции, предложенные в таких работах, как: “История силезского народа” Д. Ерчинского, “Жемайтия: неизвестная история” Ч. Пичела, “Малая история русинов” И. Попа, – учитывают многие важные элементы, такие как мифы о происхождении, предках, автохтонности, “золотом ве-

ке”, упадке и возрождении, героях и предателях [6, 66]. Помимо этноисторий, конструируются многочисленные политические символы: гербы, флаги, гимны, – концептуализируются сакральные места, даты, ритуалы. Внедрение в 2013 г. ежегодного праздника “День силезского флага”, “Дня единства кашубов” с 2004 г., или популяризация языческих сакральных мест древних жемайтов, могут служить лишь одинокими примерами в длинном ряду подобных. Целью таких “изобретенных традиций” [9, 1] является привитие определенных ценностей и норм путем повторения, которое автоматически подразумевает преемственность с прошлым.

Реакция государств ЦВЕ на проявления субэтнического активизма

Как утверждает известный теоретик мультикультурализма У. Кимлика, ключевым условием для успешного реформирования в сфере прав этнических меньшинств является фундаментальное изменение общественного восприятия процессов национальной мобилизации разных культурных групп, легитимизация и нормализация этого явления со стороны этнического большинства. Принятие мобилизации в субнациональных группах является нормальной и важной составляющей политического процесса в демократическом обществе [5, 280]. Это тем более актуально для ЦВЕ, государства которой традиционно остро реагировали на демонстрацию альтернативных общепринятой модели национальной самоидентификации и скептически, если не репрессивно, относились к политической и культурной активности в среде субэтносов.

Тем не менее, анализируя рецепцию субэтнического активизма в этнополитике государств Центрально-Восточной Европы последних лет, можно заметить определенную эволюцию в восприятии их статуса. Легче всего это проследить на примере дискуссий, развернувшихся в процессе подготовки и принятия законов, регулирующих основы государственной этнополитики. Наиболее «богатой» такая дискуссия была в Польше в период 1991–2005, связанная с обсуждением проекта закона “Об этнических, национальных меньшинствах и региональном языке”. Как пишет Дариуш Шимиковски, если до 1989 г. кашубы однозначно описывались как “этнографическая группа поляков”, то к началу 2000-х гг. доминирующим стал нейтральный термин “этническая группа” [18, 65]. В период 2002–2003 гг. специалисты парламентской комиссии, отвечающей за создание закона часто прибегали к формулировке “этническое меньшинство”. Именно в этот период законодатели были готовы к потенциальному включению кашубов в список этнических меньшинств, официально признаваемых государством. Однако недостаточная настойчивость кашубских активистов, их настороженность в отношении самого термина “меньшинство”, потенциально способное, по их мнению, маргинализировать образ кашубов, привели к тому,

что доминирующей стала позиция скептиков, готовых к законодательному признанию лишь субэтнической группы русинов (лемков) в качестве отдельного от украинцев этноса. Дальнейший виток дискуссии связан с обсуждением переписи 2002 г., впервые учитывающей различные субэтнические группы. Распространенным понятием в то время стало "кашубский народ", которое активно поддерживали идеологи движения. С 2005 г., т.е. со времени принятия окончательной версии закона об этнических меньшинствах, главной дефиницией в отношении кашубов стало "региональное языковое сообщество", лидирующее в политическом дискурсе до сего дня. Интересно проследить, как вместе с уменьшением готовности к признанию кашубов этническим меньшинством со стороны парламентариев, происходил рост популярности этой идеи среди самих кашубов. Различие позиций привело к расколу кашубского движения, связанного с выходом радикального крыла вместе с бывшим лидером Артуром Яблонским из состава организации. Объясняя эволюцию своей позиции, политик отмечает, что традиционно проживая в малых гомогенных локальных сообществах, кашубы никогда не ощущали себя меньшинством, поэтому негативно трактуют этот термин. Вместе с тем, угроза культурной ассимиляции в польскую среду диктует необходимость законодательной защиты со стороны государства, поэтому кашубским элитам необходимо принять самоидентификацию "этническое меньшинство" [8, 117].

Дискуссия по кашубскому вопросу уже давно идет в тесной связи с силезским этническим активизмом. Формально утратив статус автономии в 1945 г., силезцы переживали многочисленные практики полонизации, прежде всего в образовательной сфере. Популяризация идей силезской национальной отличительности и существования отдельного силезского языка наталкивалась на мощное противодействие центральных властей. Как отмечают сами кашубские лидеры, в своих попытках повысить социальный статус сообщества они стали заложниками "ящика Пандоры". Статус этнического меньшинства для кашубов, сам по себе не вызывающий острого негатива в польской политической среде, создаст опасный прецедент для силезцев, которые претендуют на статус наибольшего в Польше этнического меньшинства. Признание же силезцев получило широкую негативную окраску в СМИ и часто трактуется как сепаратизм и подрыв национального единства страны, поэтому закон 2005 г. выглядит как попытка консенсуса центральной власти с лидерами кашубского движения. С одной стороны, сообщество получило гарантию защиты культурных прав, прежде всего в ключевой для кашубов языковой сфере, с другой стороны, сообщество так и не было признано этническим меньшинством.

Не менее сложной была и эволюция восприятия русинского субэтноса странами региона на протяжении последних двух десятилетий. Так, словацкие власти, активно взаимодействуя с русинскими активистами, уже к середине 1990-х гг. стали различать русинов и украинцев Пряшевщины как две разные

этнические группы. Русины Словакии были признаны национальным меньшинством, русинский, наряду с языками других меньшинств, получил специальный правовой статус. Сегодня правительство Словакии выделяет средства на образовательные программы и прессу на русинском, рассматриваются проекты финансового самоуправления муниципалитетов с большинством русинского населения. Часто подобные мероприятия реализуются за счет сокращения финансирования украинских организаций Восточной Словакии, что дает повод соседней Украине упрекать словацкие власти в целенаправленном расколе украинской диаспоры страны и в популяризации искусственного проекта русинской идентичности

Описанные выше случаи не исчерпывают феномен субэтнического активизма в ЦВЕ. Представленная ниже таблица позволит увидеть все разнообразие подобных движений и сравнить их между собой (см. таблицу). Сравнение проводилось по многочисленным критериям, которые условно можно объединить в три блока. Социокультурный и исторический контексты призваны выявить степень культурной дистанции от этнического большинства, к которому традиционно приписывается субэтнос, успех культурной работы, реализуемой интеллигенцией, а также роль пограничности и трансграничности среди субэтносов. Второй блок показывает, как далеко продвинулась элита различных движений в политических притязаниях и уровень ее организационного развития. Третья группа критериев характеризует правовое поле, в котором вынуждены действовать активисты субэтнических движений, а также юридический статус таких сообществ в зависимости от страны проживания.

Уже при первом взгляде становится понятным, что различные субэтнические движения, элита которых в той или иной мере претендует на политическое признание, могут быть разделены на три группы: 1) наиболее активные (русины, силезцы, кашубы); 2) движения, которые потенциально могут стать активными, но им недостает институционального развития, а лидеры преимущественно концентрируются на культурологической работе (моравы, латгалы, жемайты); 3) все остальные субэтнические движения (мазуры, полешуки, выру и др.), которые либо сходят со сцены, либо изначально были интеллектуальными проектами. Их активисты ограничены фольклорной средой. Кроме того, факт наличия наибольшего количества положительных позиций в первой части таблицы подтверждает важность культурной отличительности и исторических предпосылок в качестве основы для построения альтернативных национальных проектов в среде субэтносов, что развенчивает обвинения в их "вымышленности" и "пустоте". Вместе с тем, как показывает пример полешуков, мазуров, словинцев, лишь одной языковой отличительности и даже разнообразной культурной работы местной интеллигенции явно недостаточно для широкого распространения и закрепления новой "сепаратной" идентичности среди членов сообщества, либо (пример выру и латгалов) – ее политизации.

Сравнительный обзор субэтнических движений ЦВЕ

Параметры сравнения	Полещуки	Кашубы	Выру	Русины	Словинцы	Моравы	Мазуры	Жемайты	Чанго	Силезцы	Латгалы	Мазовшане
<i>Социокультурный и исторический контекст</i>												
1. Наличие прессы на национальном языке	-	+	+	+	-	-	-	+	-	+	+	-
2. Конфессиональные отличия	-	-	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-
3. Кодификация литературного варианта языка	+	+	+	+	-	+	-	+	-	+	+	-
4. Преподавание языка в школах	-	+	+	+	-	-	-	+	-	+	+	-
5. Попытка создания собственного канона этнонациональной истории	+	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-	-
6. Титульность (отображение этнонима сообщества в названии административных единиц)	-	-	+	-	-	+	+	-	-	+	-	+
7. Проживание на границе	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-
8. Пребывание продолжительное время в составе другой политической единицы	-	+	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-
9. Изменение административных границ региона сообщества в XX в.	+	+	-	+	+	+	-	-	-	+	+	+
10. Компактность проживания в пределах одного государства	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-
<i>Уровень институционального развития движения</i>												
1. Наличие организации, представляющей движение	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+
2. Наличие научного института, занимающегося изучением сообщества	-	+	+	+	-	+	-	-	-	+	+	-
3. Обладание автономией в прошлом	-	-	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-
4. Наличие политической партии	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-
5. Наличие проекта политической автономии в настоящее время	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+
6. Проведения референдума о политической автономии	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-
7. Финансирование государством акций движения	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-

Окончание таблицы

Параметры сравнения	Полешуки	Кашубы	Выру	Русины	Словинцы	Моравы	Мазуры	Жемайты	Чанго	Силезцы	Латгаллы	Мазовшане
<i>Правовой контекст развития движения</i>												
1. Ратификация государством проживания Европейской хартии защиты региональных языков и языков меньшинств	-	+	-	+	+	+	+	-	+	+	-	+
2. Учет сообщества в качестве отдельной этнической группы во время проведения переписей населения	-	+	-	+	-	+	+	+	-	+	-	+
3. Наличие правового статуса у языка	-	+	+	+	-	-	-	+	-	-	+	-
4. Наличие статуса этнического/национального меньшинства	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
5. Репрезентация в органах власти	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-
6. Наличие какой-либо формы самоуправления у сообщества	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	3	7.5	4	10.5	2.5	6	3.5	5.5	3	8.5	6	3

Примечания: «+» равен 0.5 баллу, «-» – 0 баллов. «Итого» является суммой подсчета баллов; все категории имеют равный вес.

Заключение

Сравнив примеры нескольких активных субэтнических движений, можно отметить некоторые общие структурные черты в характере их развития. Прежде всего, необходимо выделить противостояние субэтнических активистов устойчивому дискурсу непризнания своего сообщества в качестве отдельной этнической или национальной группы. Следует также учесть, что в отличие от многих этнических меньшинств ЦВЕ, эти сообщества не имеют внешних реализованных государств, что вносит свой акцент в дискуссию об их признании. Все эти этнические движения являются примерами активизма малых сообществ. Наиболее крупные из них, даже по явно завышенным оценкам лидеров, не достигают полутора миллиона (русины, моравы, силезцы), некоторые едва превышают отметку в полмиллиона (кашубы, жемайты), большинство же насчитывает лишь несколько сотен тысяч человек или менее. Но очевидным остается тот факт, что почти все субэтнические сообщества демонстрируют резкое увеличение людей, идентифицирующих себя с этими группами. Часто (как в

Польше и Словакии) это происходит на фоне резкого сокращения числа традиционных этнических и национальных меньшинств. Так, словацкие переписи населения фиксируют рост числа людей, идентифицирующих себя как русины, при пропорциональном сокращении украинской общины Восточной Словакии [2, 128], что свидетельствует о переоценке и смене традиционной идентификационной модели среди местного восточно-славянского населения.

Большинство анализируемых национальных движений укладывается в единую хронологическую модель. Первые примеры активизма интеллигенции в среде данных субэтнических сообществ, которые можно трактовать как призыв к их признанию в качестве отдельного народа, проявились еще в середине XIX в. (что особенно ярко видно на примере кашубского, силезского, русинского, моравского, латгальского движений). Подобная историческая традиция служит благоприятной почвой для легитимизации требований современных идеологов субэтнических сообществ. Однако к началу XX в. в силу разных причин: узость круга этнической интеллигенции как авангарда национальной агитации, отсутствие опыта политического участия и пассивность большинства представителей сообществ, – данные движения затухают. В межвоенный период можно проследить определенное оживление, характеризующееся началом активного научного изучения сообществ, появлением первого поколения интеллигенции, которая занималась культурной стандартизацией и разработкой политических программ. С установлением коммунистических режимов альтернативное национальное конструирование в данных сообществах было жестко пресечено, а публичное описание их особенностей можно было осуществлять исключительно на языке фольклорной специфики. С начала 1990-х гг. почти одновременно активизировались субэтнические движения во всех странах региона, появились первые представительские организации, борющиеся за эмансипацию субэтнических сообществ.

Практически все субэтнические движения столкнулись в конце 1990–начале 2000-х гг. с институциональным кризисом, вызванным конкуренцией между многочисленными организациями за право представлять сообщество на государственном уровне. Часто такой кризис отображает уровень конкуренции моделей самоидентификации среди членов группы. В политических программах всех без исключения субэтнических движений дискурс государственной независимости занимает маргинальное положение. Сегодня он слабо представлен. Более сильным является дискурс регионального автономизма. Тем не менее, как видно на примере силезского активизма в Польше, даже автономистская риторика зачастую воспринимается как угрожающая базовой природе государства и усложняет проблему признания таких сообществ со стороны как государства, так и общества.

Другой важной особенностью субэтнического активизма является тот факт, что все они – примеры национальных движений в приграничных или трансграничных сообществах, которые в течение XX в. могли неоднократно ме-

нять административную или государственную принадлежность. Продолжительная конкуренция нескольких национальных проектов за интеграцию таких сообществ в свой состав приводила к формированию сложной многосоставной этнической или национальной идентичности среди членов сообщества. Автор, опираясь на опыт самоописания среди субэтнических активистов [16, 13], предполагает возможность проведения определенного ранжирования данных сообществ в соответствии со сложностью идентификационных моделей, закрепленных в дискурсивных практиках как внутри сообщества, так и с внешней стороны. В соответствии с данным предположением, наиболее распространенной моделью идентичности субэтнических сообществ является троичная модель, отображающая три вектора: 1) слияние с титульным большинством и поддержку пропагандируемого центральной властью национального дискурса; 2) присоединение к конкурирующему национальному дискурсу соседнего государства; 3) выработка нового сепаратного национального контрдискурса среди членов субэтнуса. Примером такой троичной модели могут служить кашубы (конкуренция пропольского, пронемецкого дискурса и представлений о кашубах как отдельном народе) или русины (проукраинская, прословацкая, прорусинская ориентации). Существует также бинарная модель, характерная для балтийских субэтнусов (латгалы, выру, жемайты), где отсутствует вектор 2. Для таких субэтнусов характерно наиболее бесконфликтное соединение общенациональной и региональной (субэтнической) идентичностей, но это чревато гораздо большей опасностью ассимиляции и утратой культурной и языковой специфики сообщества.

Исследование активизма в субэтнических группах показывает, что государства обычно не заинтересованы в признании отличительности языковых и этнических групп, которые считались частью доминирующего народа. Важную роль здесь играет финансовый фактор, поскольку вместе с признанием сообщества этническим меньшинством на государство ложится обязанность разработки и внедрения различных практик поддержки и защиты его культурных и языковых прав. Но главная причина заключается в том, что вместе с присуждением статуса этнического или национального меньшинства государство тем самым предоставляет группе право быть субъектом политического процесса, стремящегося влиять на финансовую, региональную, образовательную, культурную и этническую политику.

Современные субэтнические движения в ЦВЕ являются прекрасным иллюстративным материалом для разъяснения ряда проблемных мест в истории и теории национального строительства. Так, примеры субэтносов, в силу их небольшого размера и богатое информационное освещение, создают почти лабораторные условия для изучения генезиса новых национальных идентичностей как реакции на кризис старой системы ценностей. Случай субэтносов способен показать, как ресурсы, накопленные в процессе первого этапа нациестроительства, помогают и влияют на дальнейший активизм. Изучение субэтниче-

ских движений помогает лучше понять, как языковой или фольклорный активизм трансформируется в этнический, как происходит поиск обоснований для выделения и описания своего сообщества в качестве этнического меньшинства, отличного от большинства. Пристальное исследование политического участия таких сообществ может показать, как члены субэтнотосов начинают менять традиционные модели этнической или национальной идентичности на альтернативные, а центральные и региональные власти начинают учитывать запросы этнических активистов в своей риторике и политических решениях. Ведь во многом, то, чем сегодня занимаются активисты субэтнических движений ЦВЕ, является продолжением той работы, которую начали первые национальные агитаторы в конце XVIII в.

Библиографический список

1. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М., 2006. [Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference.* Moscow, 2006].
2. *Белей Л.* Неорусинство як контрдискурс українства // Русини-Українці: етнолінгвістичні та етнокультурні процеси в історичному розвитку / под ред. Г. Скрипник. К., 2013. [Beley L. *Neo-Ruthenianism as a Separatist Counter-Discourse // Rusyns- Ukrainians: Ethno-Linguistic and Ethno-Cultural Processes in the Historical Development.* Ed. by G. Skrypnik. Kiev, 2013].
3. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012. [Brubaker R. *Ethnicity without Groups.* Moscow, 2012].
4. *Зан М.* Етнічні процесина Закарпатті в сучасну добу // Русини-Українці: етнолінгвістичні та етнокультурні процеси в історичному розвитку / под ред. Г. Скрипник. К., 2013. С. 267–311. [Zan M. *Ethnic processes in Zakarpattia in the modern era // Rusyns- Ukrainians: Ethno-Linguistic and Ethno-Cultural Processes in the Historical Development.* Ed. by G. Skrypnik. Kiev, 2013. P. 267–311].
5. *Кимлика У.* Федерализм и сецессия: Восток и Запад // *Ab Imperio.* 2000. №3–4. С. 245–317. [Kymlicka W. *Federalism and Secession: East and West // Ab Imperio.* 2000. No. 3-4. P. 245–317].
6. *Смит Е.* Культурні основи націй: ієрархія, заповіт, республіка. К., 2010. [Smith A.D. *The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic.* Kiev, 2010].
7. *Тишков В.* Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000. [Tishkov V. *Peoples and Religions of the World.* Encyclopedia. Moscow, 2000].
8. Dołowy-Rybińska N. *Kaszubski dyskurs narodowościowy: spojrzenie antropologiczne // Sprawy Narodowościowe.* 2015. No. 43. P. 107–129.
9. Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition.* Cambridge, 1993.

10. Hołomek M. Ruch separatystyczny, nacjonalizm czy naród? // *Górnośląskie Studia Socjologiczne*. 2015. No. 5. P. 152–171.
11. Kamusella T. Silesian: from gwara to language after 1989 // *Rocznik Polsko-Niemiecki*. 2016. Vol. 24. No. 1. P. 78–119.
12. Kawęcki K. Idea autonomii w koncepcjach Ruchu Autonomii Śląska // *Spoleczenstwo i Edukacja*. 2012. No. 1. P. 417–425.
13. Konečný S. Rusíni a politický vývoj na Slovensku (medzníky – problémy – perspektívy) // *Individual and Society*. 1998. Vol. 1. No. 4. P. 5–19.
14. Magocsi P.R. A Borderland of Borders: The Search for a Literary Language in Carpathian Rus' // Kamusella T., Nomachi M., Gibson C. (eds.) *The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders*. London, 2016. P. 101–123.
15. Mazurek M. Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie: między partią polityczną a organizacją etniczno-regionalną // *Studia Sociologiczne*. 2010. No. 3(198). P. 77–98.
16. Obracht-Prondzyński C. Kaszubi dzisiaj. Kultura – język – tożsamość. Gdańsk, 2007.
17. Synak B. Kaszubska tożsamość. Ciągłość i zmiana. Studium socjologiczne. Gdańsk, 1998.
18. Szymikowski D. Kwestia kaszubska w pracach sejmowej Komisji Mniejszości Narodowych i Etnicznych (1989-2005) // Pałys P. (ed.) *Mniejszości narodowe i etniczne w Europie Środkowej*. Opole, 2008.

MOVEMENTS FOR RECOGNITION: POLITICIZATION OF SUB-ETHNIC GROUPS IN EAST-CENTRAL EUROPE

O. D. Vasiukov

Postgraduate Student, Department of Political Science,
National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg)

The article focuses on contemporary sub-ethnic movements in the states of Eastern and Central Europe. Based on the example of the three biggest communities in the region that are traditionally considered sub-ethnic groups (Kashubians, Silesians, Ruthenians), the author shows the features and achievements of such activism. The research deals with the main organizations representing sub-ethnic movements, programs of their leaders and strategies for achieving the status of an ethnic minority. The author also analyzes the response of the states to the intensifying activities of sub-ethnic communities and political claims of their activists.

Keywords: sub-ethnic group; identity; ethnic activism; ethnic minority; East-Central Europe.